

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

ПЛЯСКИ С ВОЛКАМИ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б94

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Бушков, Александр Александрович.

Б94 Пляски с волками / Александр Бушков. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с. — (Бушков. Непознанное).

ISBN 978-5-04-190094-6

Западная Украина, 1944 год. Небольшой городишко Косачи только-только освободили от фашистов. Старшему оперативно-разыскной группы СМЕРШа капитану Сергею Чугунцову поручено проведение операции «Учитель». Главная цель контрразведчиков — объект 371/Ц, абверовская разведшкола для местных мальчишек, где обучали шпионажу и диверсиям. Дело в том, что немцы, отступая, вывезли всех курсантов, а вот архив не успели и спрятали его где-то неподалеку.

У СМЕРШа впервые за всю войну появился шанс заполучить архив абверовской разведшколы!

В разработку был взят местный заброшенный польский замок. Выставили рядом с ним часового. И вот глубокой ночью у замка прозвучал выстрел. Прибывшие на место смершевцы увидели труп совершенно голого мужчины и шокированного часового.

Боец утверждал, что ночью на него напала стая волков, но когда он выстрелил в вожака, хищники мгновенно исчезли, а вместо них на земле остался лежать истекающий кровью мужчина...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190094-6

© Бушков А.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

— Не может быть! — ахнул Сашок.
— Не может, — хмуро согласился
Выверзнев. — А значит, скорее всего,
так и есть.

Е. Лукин.
«Алая аура протопарторга»

ГЕРР ПЕСТАЛОЦЦИ

Я знал точно: никто из наших за эти восемь дней так ничего и не заподозрил. С чего бы вдруг?

Все выглядело совершенно буднично, насквозь житейски, если привлечь старомодные, давно вышедшие из употребления словечки — благолепно. В самом деле, как это смотрится со стороны? Энергично шагает ж себе напрямик к нашей штаб-квартире бра- вый капитан Сергей Чугунцов (меж своих — Акробат, из-за одного давнего дела), официально приказом назначенный старшим ОРГ¹ дивизионного Смерша. Действительно, дело насквозь житейское. И то, что подчиненный у меня один-единственный, причем не наш старый кадр, а пехотный гвардии лейтенант Петя Кашеверов, зеленый стажер в нашей системе, только три недели назад к нам определенный после госпиталя, никого не удивило. Мы — не фронтовое управление и даже не армейское. Людей у нас мало, задачи... в общем, на дивизионном уровне. Так что работаем чаще всего в одиночку или как раз группами

¹ ОРГ — оперативно-разыскная группа.

из двух человек. Так уж у военных исстари заведено — там, где есть двое, один обязательно будет старшим.

Скорее уж получится наоборот: создание группы, пусть и из двух человек, заставит людей понимающих чуточку удивиться. Группы у нас создаются для особо серьезных дел, а обычно работаем в одиночку. Так что смотреть будут с некоторым уважением: мол, мы тут пустячки гоняем, а Чугунцову выпало что-то бардзо серьезное. Не могут они так не думать. И оттого на душе кошки скребут: ребята делом занимаются серьезно, хоть и пустяками, а мы с Петрушей восемь дней баклуши бьем. Хорошо хоть, никто не узнает. У нас категорически не принято совать нос в дела сослуживцев, разве что на общих совещаниях у подполковника Радаева иногда можно услышать какие-то обрывочки, в которые опять-таки не положено углубляться мыслью... Очень неловко — ребята пашут как проклятые, а мы, такие все из себя бравые, оба-двое, ждем у моря погоды. Весьма даже неудобно. И ничего не меняет тот суровый факт, что не мы себе такой непозволительный на войне курорт придумали, а токмо волею начальства...

Ну вот и вышел я к нашей штаб-квартире — причем на сей раз название такое следовало употреблять без тени той легонькой иронии, что не раз имела место допрежь. Здание вполне такого именованья заслуживало — большущий двухэтажный домина с кирпичными кружевами по стенам и вокруг окон, балконами с затейливыми чугунными перилами, роскошным широким крыльцом с восемью ступенями и высокой двустворчатой входной дверью. Штаб-квартира, ага.

Часовой у крыльца был знакомый и меня уже знал, но все равно по вьевшейся привычке окинул бдительным взглядом. Опытный был кадр из войск НКВД по охране тыла, с медалью и орденом, красной нашивкой за легкое ранение. Но пропуска все же не стал требовать, не доходили до такого наши строгости, и потому пропусков у нас не водилось.

Поднялся я по ступенькам быстрым шагом, потянул здоровенную бронзовую ручку, легко распахнул дверь. Был тут какой-то архитектурный секрет: высеченная и тяжеленная дверь распахивалась легко, как садовая калитка.

Поднялся на второй этаж по широкой лестнице с затейливыми основательными перилами, пошел по высокому гулкому коридору к своему кабинету. Стены были в два кирпича (старорежимные, поболее современных), массивные двери из натурального дерева. Тишина стояла густая — и, как всякий раз, показалось, что никого нет в здании, кроме меня. Хотя народу здесь разместилось немало: не только мы, но и Отдел Смерш НКВД (контрразведывательное обеспечение войск НКВД и милиции). И все равно половина кабинетов осталась незанятой, и мне достался такой, какого в других местах не бывало и у нашего начальника подполковника Радаева, да что там, и у иных армейских полковников на серьезных постах.

Специфика городишка Косачи, знаете ли, о которой подробнее чуть погодя. Построили домину, я уже знал, в последние годы царствования Николая Первого, и с тех пор здание, переходя из рук в руки, служило присутственным местом — и при царях, и

при белополяках, и недолгий период при советской власти, и при немцах. Вот только лет через десять после постройки, когда произошли известные события и Косачи изрядно зажирели, чиновная орава отсюда схлынула, а те, что остались, попали в райские условия: какой-нибудь мелкий плюгавый писарь, даже без классного чина, сидел в хоромах, о каких допрежь того и мечтать не мог. Излишняя роскошь, конечно, но не бросать же здание, идеально приспособленное под канцелярию, только потому, что чиновничков стало в несколько раз меньше? Точно так же рассуждали и все последующие хозяева, точно так же рассудило и наше начальство. Жаль только, что полицейский участок (разместившийся во вполонину меньшем, но все же помпезном здании) с его капитальным подвалом и камерами располагался довольно далеко отсюда, и к л и е н т о в наших конвойным приходилось водить за добрых полкилометра — все же близко для того, чтобы затруднять машину.

Отпер дверь родным ключом, здоровенным, с причудливой бородкой, вошел в кабинет и, как обычно, форменным образом в нем чуточку потерялся — словно котенка запустили в здоровенный ящик. Кабинет был огромный, а всей мебели — двухтумбовый канцелярский стол, крытый зеленым сукном на манер бильярдного, да два стула (все нерасшатанное, на совесть сработанное еще в царские, такое впечатление, времена). Высокий, мне по грудь, сейф в углу, тоже неведомо с каких времен оставшийся, не удивлюсь, если тоже с царских. Ну и фотопортрет товарища Сталина на стене в застекленной рамочке. Если подумать,

ничего мне больше и не нужно для нормальной работы.

Сел за внушительный стол (первый раз в жизни попался такой и наверняка долго еще не попадетя), не спеша выкурил трофейную сигарету, прошел к сейфу и отпер его затейливым родным ключом (драпавшие отсюда работнички управы бросили все казенное имущество неиспорченным). В двух отделениях хватило бы места, чтобы уложить добрых полкубометра бумаг, но моя канцелярия оказалась гораздо более скромной: там у меня лежала одна-единственная папка с белесыми матерчатыми тесемочками, наша, с собой привезенная. Достал я ее — папка была легонькая, почти невесомая, — сел и положил перед собой на стол. Развязывать тесемки не торопился: все, что там лежало, было мне знакомо чуть ли не наизусть, можно было и не перечитывать, но не лезть в сейф означало бы дохнуть от безделья, как тянулось не первый день...

В правом верхнем углу я сам написал авторучкой большие синие буквы: УЧИТЕЛЬ. Название операции, ага. Давно уже повелось: каждая операция должна иметь название, сплошь и рядом взятое совершенно от фонаря. Дело отнюдь не сводится к одной лишь военной бюрократии, которой не особенно меньше, чем на гражданке. В первую очередь тут забота о сохранении секретности. Вражеский агент может засесть довольно высоко, но если ему попадется такая, скажем, строка: «Проведены очередные мероприятия согласно плану операции «Лапоть», он не продвинется ни на шаг, не зная ничего, кроме названия операции. Так-то. В самом начале, когда

группа только формировалась, Петруша, не подумав толком, предложил назвать операцию «Песталоцци». Это у него школьные знания еще не выветрились — он был на четыре года моложе меня и более чем на четверть века моложе подполковника Радаева. Радаев, недолго думая, сказал резонную вещь: великий педагог Песталоцци жил, конечно, до исторического материализма, но, безусловно, был прогрессивным деятелем, гуманистом, а потому не следует припутывать его честное имя к немецким грязным играм. Петруша внял — а я предложил «Учителя», что никаких возражений начальства уже не вызвало, потому что, в общем, ситуации отвечало.

Итак, операция «Учитель»... Название хорошо согласуется с главным объектом нашего интереса — школой, где тевтоны отнюдь не сеяли разумное, доброе, вечное, очень даже наоборот. По документам у немцев это предосудительное учебное заведение проходило как «объект 371/Ц», и за этим незамысловатым шифром укрывалась абверовская разведшкола, где обучали шпионажу, диверсиям и еще парочке гнусных ремесел. Довольно специфическая школа. Таких у абвера имелось немало, но не вполне таких. В большинстве школ готовили взрослых, а вот буквально в нескольких — мальчишек от тринадцати до шестнадцати лет (моложе и старше не брали)...

Расчет был умный и весьма коварный. Мальчишка-шпион или мальчишка-диверсант вызовет гораздо меньше подозрений, чем взрослый, ему гораздо легче добиться своей цели, чем взрослому, да и отсутствие документов прокатит наилучшим образом — ну какие

документы могут быть у такого вот пацана, кроме разве что табелей успеваемости, — да и отсутствие таких опять-таки ни малейших подозрений не вызовет...

Ученички, надо сказать, были, конечно, не немцами, а жителями временно оккупированных территорий. Принуждения тут не было ни малейшего — от агента, работающего под принуждением, хорошей работы ждать трудно. Старательно высматривали подходящих кандидатов, а потом мастерски пудрили им юные неокрепшие мозги. Абверовцы, надо отдать им должное, были хорошими психологами и знали, на чем играть. В первую очередь на присущей мальчишкам страсти к приключениям. Любимыми играми мальчишек всегда были игры в войну, по себе могу сказать. А здесь — настоящие оружие и взрывчатка, настоящая тайная служба и, что уж там, настоящие награды. Многие на это покупались в первую очередь. А ведь были еще и деньги, хорошие пайки, специфическая идеологическая обработка.

Пионерия и комсомол? Ну, положи руку на сердце... Далеко не всем подросткам они успевали дать перед войной должную идейную подготовку, особенно если учесть, что кое-где немцы держались года по три. Как теперь известно, немало было в партизанах пионеров-героев, но были и такие, кто, выбросив пионерский галстук, а то и комсомольский билет, уходил и совсем по другой дорожке...

И не только в войне причина. Вспомните гайдаровского Мишку Квакина — дело там происходило еще до войны, Квакин, очень может быть, уже и комсомолец и уж по-любому пионер, что ему нисколько

не мешает быть главным хулиганом, по выражению самого Гайдара, личностью гнуснопрославленной: обтрясает чужие сады, наверняка есть еще и какие-то другие художества, о которых в повести ничего не сказано. У Гайдара он встает на путь исправления, а в жизни случается и по-другому, и такие вот Квакины, подростки, уходят по уголовной дорожке без всякой войны. Теперь представьте, что этот вот Квакин оказался в оккупации, был замечен немцами и взят ими в работу. Что получится? Получится верный гитлеровский волчонок, тут и думать нечего.

А ведь были еще дети крупно пострадавших от советской власти, затаивших обиду на всю оставшуюся жизнь и постаравшихся потаенно отпрысков воспитать в том же духе. Были детки тех, кто пошел в бургомистры, полицаи и прочие немецкие активные холуи. Наконец, было еще такое явление, как специфика места. Здешние места, как западноукраинские земли, с двадцатого года и до осени тридцать девятого были под поляками. Советская власть тут продержалась неполных два года, а потом на три года уселись немцы. Это тоже сыграло немаленькую роль...

Признаться по совести, когда немцы запустили эту машину, мы с изрядным опозданием врубались, что к чему. Вряд ли нас стоит в этом упрекать. Слишком долго были заточены исключительно на взрослого супостата, и первое время «квакины» (так их повсеместно стали звать, вроде того, как немцы были «фрицами», а полицаи «бобиками») резвились совершенно безнаказанно. Да и потом, когда узнали, что к чему,

работать было трудно: очень многие, и военные, и особенно гражданские, с трудом привыкали к мысли, что безобидный на вид змееныш лет пятнадцати может оказаться не менее опасным, чем взрослые.

Один пример. Тогда в первое время на участке нашего фронта (и нашей дивизии) трое таких вот «квакиных» устроили засаду, изрешетили из «шмайсеров» нашу «эмку». Все четверо, кто там был, погибли: командир полка, начальник штаба, начальник полковой разведки и водитель. Ехали на совещание к комдиву. Не доехали...

Мы, конечно, встали на уши, но искали-то мы, как привыкли, в з р о с л ы х! А эти волчата прошли как песок сквозь пальцы и, как потом стало точно известно, перешли через линию фронта к немцам. Мало того, капитан Леха Рязанцев, разыскник матерый, с первого дня воевавший, на одного из них все же вышел, но не понял, на к о г о вышел, отнесся несерьезно. Ну и получил пулю в затылок — волчонок сообразил, что может потянуться ниточка...

И опять-таки потом, далеко не сразу, узнали: немцы, как и прежде случалось, устроили им встречу по первому разряду. Снова надо отдать им должное: и материальные, и моральные стимулы были у них поставлены на совесть. Кроме оккупационных марок, навешивали и регалии попроще, главным образом власовские железки, «медали для восточных народов», но и чисто немецкие солдатские. Как было с той троицей — они принесли документы убитых, планшет со штабными бумагами, награды у всех четверых забрали. Медали им цепляли, сволочи, на общем по-

строении, и даже оркестрик наяривал что-то вроде «Хорста Весселя».

На «зеленых» волчат, еще ни разу на дело не ходивших, это производило именно то впечатление, на которое немцы и рассчитывали. Ну, представьте: расхаживают по школе, задирая носы, их сверстники со взаправдашными новехонькими медалями. Участники героического рейда по советским тылам, бля. Так и тянет брать их в пример, ни в чем не уступить. Я ж говорю, абверовцы были хорошими психологами. Умело и старательно поддерживали в питомцах убеждение, что те — нечто наподобие царских юнкеров, что после победы над Советским Союзом их непременно выучат на офицеров доблестного вермахта, но эту высокую честь надо еще заслужить усердной службой...

Школа возле Косачей, в лесу километрах в двух от городка, просуществовала года полтора. И за это время «квакины» оставили в Косачах весьма даже недобрую память. Куда там гайдаровскому Квакину, для которого потолком было — обтрясти яблони в чужом саду. Белым пушистым зайкой смотрелся Мишка Квакин по сравнению с абверовскими волчатами...

Немцы, аккуратисты, каждое воскресенье отпускали их в увольнение в городок. Отвозили туда большим автобусом двумя рейсами, а потом так же забирали. Вот они и развлекались на свой манер. Вообще-то в Косачах имелось подобие того, что можно назвать культурной жизнью: кинотеатр «только для немцев», театрик оперетты (куда на последние ряды пускали и местных). Однако из всех очагов культуры «квакины» уделяли внимание только солдатской чайной

и двум ресторанчикам опять-таки «нур фюр дойче». «Стипендию» им платили не такую уж маленькую, но волчата жмотничали — то, что им хотелось, можно было взять и бесплатно...

За месяц, прошедший со дня освобождения городка, здесь успел освоиться и развернуться уполномоченный НКГБ капитан Кузьменко, мужик хваткий, с опытом. В его распоряжении было трое оперативников, и агентурой он за месяц обрасти успел. Вот и получил стопку подробных показаний о грязных шалостях «квакиных». Начальство двух наших ведомств давно наладило взаимодействие — и я, как разыскник, занимавшийся школой (точнее, в первую очередь ее архивом), все эти показания читал. Не было смысла спрашивать копии, мои интересы лежали все-таки в другой плоскости, касавшейся не личного состава школы, а другого, так что я ограничился тем, что попросил у Кузьменко справку-выжимку. Он и сделал.

Первое время горожане, как и следовало ожидать, представления не имели, что это за странные подростки ватагами бродят по Косачам — юнцы в аккуратной подогнанной по фигуре немецкой военной форме без погон, в добротных солдатских сапогах, пилотках без кокард. Но очень быстро узнали, в первую очередь торговцы с воскресного базара, что это за публика...

Немецкие солдаты все же, как проникнутый капиталистическим духом продукт буржуазного общества, за взятое на базаре аккуратно расплачивались, правда, оккупационными фантиками. Так поступали и полицаи, вообще все, кто работал на немцев. Совсем другое дело — «квакины» (многие из которых к то-

му времени поднакопили опыт мелкой уголовщины, иные попали в школу напрямик из криминальной полиции, немецкой или местной). Эти все, что им нравится, грабастали бесплатно, а если продавцы сдурру пытались протестовать... У каждого из «квакиных» лежал в кармане пистолет. Немцы им штатного оружия не выдавали, но долго ли шпанистому подростку в военное время раздобыть ствол? Главное было — не светить шпалеры в школе, иначе загремели бы на гауптвахту...

В первый же месяц увольнительных волчата на базаре застрелили двух сельских дядьков, имевших неосторожность возмутиться, когда шпаргонцы начали забирать то и это, явно не собираясь платить. Причем стервецы убежать не стали — преспокойно забрали и ушли не торопясь. Ну, понятно — полицаи были заранее проинструктированы, что эти «цветы жизни» приравнены к немецким солдатам, к которым «бобики» не имели права и близко подойти, что бы те ни натворили.

После второго убийства в Косачах поняли, что за напасть на них свалилась, и прониклись: на улицах обходили «юнкеров» десятой дорогой, а на базаре по-малкивали и стояли столбом, пока их грабили. В общем, развернулись ребята. За полтора года изнасиловали шесть девушек, избили несчитаное количество народа, за самогоном охотились не хуже взрослых, к кому-то средь бела дня вломились в дом, сунули пистолеты под нос, зарезали поросенка в хлеву и унесли с собой в хозяйском мешке. Обчищали огороды средь бела дня, выпрягли у дядька лошадь и долго на ней

катались... Да много было всякого хулиганства. Завели в Косачах пару натуральных «малин», где отдыхали от учебы с самогоном, патефоном и, из песни слов не выкинешь, с морально нестойкими девицами, являвшимися туда совершенно добровольно (показания пары-тройки таких девиц, державшихся тише воды ниже травы, распускавших сопли и слезы, я тоже читал у Кузьменко). Что касается «малин» — это был единственный случай, когда волчата не пугали хозяев квартир и домов пушками, а ради пущего комфорта платили за «постой»...

Обо всех этих художествах абверовцы прекрасно знали, но ни разу и пальцем не погрозили, наоборот, их как раз устраивало, что их воспитанники лишней раз замарались в грязи и крови. Сам я не охотник, никогда не охотился, но рассказывал мне один старый волчатник: именно так волки натаскивают подрастающих волчат. Притаскивают в логово полузадушенную добычу, бросают деткам, и те принимают ее неумело душить...

Один только раз волчата заporолись: те самые трое диверсантов решили обмыть медали в Косачах. Сначала забрали на базаре несколько бутылок самогона (им торговали, понятно, из-под прилавка), одну бутылку распили из горла тут же и двинулись по улицам искать приключений. На безлюдной улочке встретили симпатичную молоденькую девушку и наладились было тащить ее на «малину». Девушка была одета гораздо лучше горожанок, но «герои» такими частностями не заморачивались — и ничуть не задумались над тем, что говорила она исключительно по-немецки. Потом

оказалось: дочка какого-то мелкого коммерсанта из рейха, приехала сюда с отцом и решила погулять по «экзотическому русскому городу» (для немцев весь Советский Союз был — Россия)...

Быть бы дурешке изнасилованной на хазе, как ее предшественницы из местных, но она оказалась везучей: поблизости случился патруль фельджандармерии, и девчонка завопила на всю улицу, взывая к соотечественникам о помощи. Те крепенько надавали троице по шеем, но, проверив документы, в комендатуру все же не забрали: уж фельджандармы-то прекрасно знали, что это за учебное заведение, и, должно быть, не стали связываться с абвером, благо девчонка осталась не избитой охально...

Однако и тут обошлось: жандармы напинали «проказникам» и отпустили, предварительно отобрав самогон, однако рапорт школьному начальству прилежно отправили. Начальство, судя по всему, решило, что не стоит очень уж сурово наказывать орлов, только что устроивших в советском тылу серьезную пакость и награжденных за это даже не власовскими побрякушками, а вермахтовскими медалями. Все ограничилось разносом в кабинете начальника школы и лишением увольнительных на две недели.

(Крепко подозреваю, даже если бы эти паршивцы успели добиться своего, особых репрессий не последовало бы: волчата — товар штучный, а девица в конце концов — не генеральская дочка и не доченька какого-нибудь Круппа. Мелкий коммерсант — невелика птица, таких в рейхе хоть пруд пруди...)

Да, месяца за полтора до того, как немцам пришлось отсюда драпать, абверовцы решили, как бы это выразиться, расширить и углубить творческий метод — приняли в школу трех девчонок. Уж не знаю, на какую наживку их подцепили, в документах об этом ничего не было сказано, но и тут, безусловно, речи не шло о принуждении. Нашли для них какой-то свой крючок. Вообще-то все разведки мира с женщинами работают, наверное, с тех времен, как появились на свет (а первое упоминание об агентурной разведке имеется уже в Библии), но до абверовцев никто еще не додумался использовать девчонок позднего школьного возраста. Первопроходцы сраные... Безусловно, их планировали использовать исключительно для шпионажа: в отличие от мальчишек, девчонки не склонны к игре в войну, и диверсантки из них по большому счету плохие, не повернуты у них к этому руки. Бывают исключения, конечно, взять хотя бы нашу девушку Елену Мазаник, подложившую бомбу в постель гауляйтера Белоруссии Кубе, но это исключения и есть, к чему извращаться, если хватает кандидатов в диверсанты мужского пола, просто в свое время так уж сложилось, что мужчину к Кубе было ни за что не подвести...

Ладно, хватит об этом. По большому счету заниматься курсантами было не наше дело — учитывая, что никого из них в Косачах не осталось. Этим и далее предстояло ведать военной разведке. У нас была другая задача, другая цель, гораздо серьезнее: архив разведшколы...

В бумагах, которые к нам поступали из Главного московского управления (а также из Управлений фронтов и армий), не так уж редко встречались две ставшие стандартными формулировки: «По достоверным данным» и «Есть все основания полагать». Чаще всего это полностью отвечало положению дел. Практически никогда не уточнялось, что это за достоверные данные и серьезные основания — каждый знает ровно столько, сколько ему надлежит знать, — но обе формулировки, повторяю, были серьезными, и им следовало верить. В данном конкретном случае они были приведены обе, и, согласно обеим, абверовцы не успели вывезти секретный архив. Откуда это стало известно? Я без уточнений вышестоящих инстанций догадывался: судя по некоторым обстоятельствам, ясным человеку с опытом, в эту школу, как и в некоторые другие, сумел проникнуть наш разведчик-нелегал. Другого объяснения не могло и быть.

Сама школа досталась нам целехонькой — полтора десятка бревенчатых зданий в лесу, в свое время добротнo возведенных немецкими саперами. Немцы не стали заморачиваться, вывозить оружейный склад, продсклад, а уж тем более кровати и прочую мебелишку. Бумаг осталось немало, но исключительно бесполезных, вроде ведомостей на сапоги и накладных на продукты. Все хоть капельку секретное, имевшее отношение к учебе, испарилось.

Курсантов абверовцы вывезли за шестнадцать дней до того, как наши войска вошли в Косачи. Такого финала они не предвидели, рассчитывали удержать оборону — просто-напросто школа оказалась черес-

чур близко от линии фронта, и ее решили передислоцировать. На такой именно план указывает и то, что архив планировали вывезти в случае скверного оборота дел в последнюю очередь, после эвакуации курсантов и преподавательского состава.

А вывезти-то и не получилось! Стремительный темп нашего наступления оказался для немцев совершеннейшей неожиданностью — на войне подобных неожиданностей хватало не только у немцев, у всех. Наши танковые клинья ударили с двух сторон и быстро закрыли «мешок», куда угодила парочка немецких дивизий, очень быстро перемолотых. Ни одна немецкая машина не сумела бы вырваться из этого «котла», пусть и небольшого по сравнению с некоторыми другими. Так что архив пришлось в темпе фокстрота спрятать где-то поблизости.

Задача была несложная и, несомненно, должна была занять очень мало времени. Особых ухищрений не требовалось. Архив, согласно одной из двух формулировок, оказался не так уж велик. Грубо прикидывая, кубометра три. В пересчете на стандартные саперные ящики, в которые немцы что только не пихали, даже если брать самые маленькие — получится десятка два, ну, два с половиной. Ящики уместились бы в единственном грузовике не самой большой грузоподъемности: достаточно было бы вырыть где-нибудь в лесу не особенно и большую яму — работа на пару часов для трех-четырех хватких зольдатов, привычных ковыряться в земле. Потом в полном соответствии с приключенческими романами о пиратских и прочих «кладах» (романы такие часто имеют аналогии